

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.161.1, 811.511.21

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-47-50

ОБЪЕКТИВАЦИЯ СПОСОБОВ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЗЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА В СЕЛЬКУПСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

Н. В. Полякова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Каждый этнос располагает собственными представлениями об устройстве окружающего мира и системой структурирования земного пространства, позволяющей осуществлять ориентацию в пространстве. Общим для многих народов является представление о трехчастной структуре мира, включающей в себя «Верхний», «Средний» и «Нижний» миры, а также существование вертикальной и горизонтальной проекций мироздания. Данные культурологии, этнографии и лингвистики свидетельствуют о сосуществовании у селькупов вертикальной и горизонтальной проекций и констатируют наличие у русских лишь вертикальной проекции мира. Наиболее репрезентативно в сопоставляемых языках понятие «Средний мир», согласно древним представлениям, он является миром человека и животных. Проведенное исследование выявило существенные отличия в способах структурирования земного пространства селькупами и русскими. Для русского этноса характерен концентрический тип структурирования пространства. У селькупского этноса ориентация в пространстве осуществляется по фокусным точкам, в число которых входят река, лес и дом.

Ключевые слова: пространство, ментальная карта, фокусная точка, селькупский язык, русский язык, сопоставление.

В современной лингвистике одним из основных принципов является антропоцентризм. В рамках антропоцентрического подхода в лингвистике язык рассматривается не только и не столько как средство общения, но и как сокровищница народной мудрости, опыта языкового коллектива, приобретенного им в определенной экологической среде при изменяющихся условиях [1, с. 29].

Самопознание и очеловечивание окружающего мира объективируется в духовной культуре. «По образу человека – сочленению верха (головы) – середины (туловища) – низа (нижних конечностей) строилось жилище (крыша – очаг – пол)... лепился глиняный сосуд (венчик – тулово – донце)... осваивался бассейн реки (верховья – поселение – низовья), описывалось строение вселенной (небо – земля – преисподняя)» [2, с. 148].

В научной литературе по лингвистике, этнографии и культурологии констатируется универсальность представлений разных этносов о строении мироздания. Модель мироздания состоит из трех частей: «Верхнего», «Среднего» и «Нижнего миров» [3–5].

«Верхний мир» – место обитания высших божеств пантеона. «Средний мир» является миром

человека и животных. «Нижний мир» неразрывно связан в представлениях различных народов со злыми силами, миром мертвых [6].

В этнографической литературе описаны две проекции мироздания: вертикальная и горизонтальная. Вертикальная проекция воплощается в образе мирового древа, горы и т. д., а горизонтальная – в образе мировой реки.

Селькупский лингвистический и этнографический материал свидетельствует о сосуществовании вертикальной и горизонтальной проекций мироздания.

Знакомство с системой ориентации селькупов в пространстве приводит к выводу о том, что именно река выступает в качестве отправной точки в системе пространственных координат. Тазовские селькупы называли страны света по течению рек: север – *takkyl' peläk, takkyl' tatty, takky*, т. е. 'сторона (земля), расположенная вниз по течению реки Таза, Енисея'; юг – *ñennäl' tatty*, букв. 'передняя, верхняя земля (по течению реки)', *ñennäl' peläky, ñennä*, т. е. 'вверх по течению расположенная сторона (земля)' [7, с. 19].

Относительно постоянных поселений тазовских селькупов кладбище обычно располагалось

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 15-34-01226 а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

ниже по течению реки. Это было связано с представлениями о расположении мира мертвых в устье реки [8, с. 113].

Наряду с наречиями *takku* и *ñennä* в селькупских диалектах имеются наречия, описывающие движение от водного пространства (реки) к берегу и от берега к водному пространству (реке). Наречие *konnä* обозначает направление движения от водного пространства к берегу: таз. *konnä qenqo* ‘взойти на берег’, *konnä utusuqo* ‘причалить’, букв. ‘к берегу остановиться’ [7, с. 271]. Наречие *karrä* указывает направление от берега к водному пространству; от возвышенного места к низкому: таз. *Karrä noqqolty!* ‘Оттолкнись от берега!’, *Karrä panisäs üty!* ‘Спустись вниз к воде!’ [7, с. 272–273].

Лингвистические данные подтверждают особый статус реки: река для селькупов – это одна из фокусных точек в окружающем пространстве.

Наряду с рекой подобным статусом наделяются дом и лес.

Дом для селькупов и русских – это связующее звено между человеком и космосом.

Согласно данным фольклора, дом оказал влияние на формирование оппозиции «внутренний / внешний»: оппозиция «внутри / снаружи» заменяется оппозицией «дома / вне дома (на улице)» как в русском, так и в селькупском языках. Ряд селькупских наречий характеризует направление движения относительно чума (дома): *φone* ‘наружу, на улицу’, *mogone* ‘назад (в результате семантического переосмысления наречие приобретает в обских говорах и кетском диалекте значение „домой“)’ [9, с. 159].

Дом для русских является центром земного пространства. На лексическом уровне оппозиция «внутри дома / вне дома» объективируется при помощи оппозиции дома / домой. Дом является семейным очагом, местом, где собираются все члены семьи, ср.: возвращаться, спешить домой. Выражение «не все дома» свидетельствует о нарушении установленного порядка и используется для характеристики чудаковатого человека.

Для селькупов и русских характерно метафорическое осмысление дома в анатомическом коде, выделение особого пространства в доме, обладающего сакральным статусом (ср.: красный угол и *sitki*), наличие мужского и женского пространства; выполнение особых ритуалов для защиты дома. Все элементы дома в сопоставляемых языках имеют свои наименования, но обладают разной культурной значимостью. Те элементы дома, которые обеспечивают контакт с внешним миром, выступают в мифологии в качестве пограничного локуса и являются своего рода демаркационной линией между своим (защищенным, освоенным) и чужим (опасным, не освоенным) пространством.

Сопоставляя лексемы, именующие различные виды леса в исследуемых языках, следует отметить большую номинацию данного денотативного фрагмента в диалектах селькупского языка.

Селькупские лексемы, обозначающие различные лесные массивы, содержат не только указание на состав произрастающих деревьев, но и на их количество, место произрастания относительно реки, дома и т. д.: таз. *säqas (säqqv)* ‘чаща, чернолесье, густолесье’, Нап. *karge* ‘болотистый лес; редкий лес; хвойный лес’.

В русском языке объективируется признак «количественный состав» произрастающих деревьев, ср.: *бор, роща, дубрава*.

Противопоставление имен существительных таз. *тасу* ‘дальняя общая тайга’ и *šöt* ‘тайга рядом с домом’ связано с различной степенью близости или удаленности от поселения: *šöt* – это ближняя тайга, где расположены родовые охотничьи угодья селькупов, а *тасу* – дальняя тайга [10, с. 63–64].

В русском языковом сознании лес – это совокупность деревьев и строительный материал, место, где всего бесконечно много, однако также и опасное, неизведанное, отдаленное пространство. Об опасности леса свидетельствует устойчивое сочетание *чувствовать себя как в темном лесу* ‘о человеке, чувствующем себя беспомощно в сложной ситуации, в каком-либо деле’.

Сопоставительный анализ объективации представлений о «Среднем мире» в селькупском и русском языках позволяет выявить и описать когнитивную (ментальную) карту представителей русского и селькупского этносов. Ментальная карта отражает особенности структурирования земного пространства селькупскими и русскими.

Для русских, основным занятием которых в сельской местности на протяжении длительного времени являлось земледелие, характерен концентрический (круговой) тип структурирования пространства. В центре обжитого пространства располагается дом («малый дом») и двор со всеми хозяйственными постройками, называемый «большим домом». Территория «большого дома» огораживается забором, отделяющим свое пространство от пространства чужого. К первому концентру относится поселение, часто огораживаемое по всему периметру забором, разграничивающим территорию поселения и посевные площади. Примечательно, что кладбище всегда оставалось за забором и не относилось к населенному пункту. Таким образом, забор не только разделял территорию населенного пункта и сельскохозяйственные угодья, но и отделял мир живых от мира мертвых. Второй концентр – это территория сельскохозяйственной деятельности представителей русского этноса, включающая поля и пастбища. Третий концентр

включает лесные массивы, к четвертому относятся все остальные территории (дальние пространства).

В наибольшей степени освоены первый и второй концентры, т. е. те территории, которые расположены вблизи дома. В меньшей степени освоен лес, об этом свидетельствует слабая выраженность доминант данной парадигматической группировки, использование слова «пустошь» применительно к лесным угодьям, различные этнографические и фольклорные данные.

В русском языке существуют устойчивые выражения, фразеологические единицы, описывающие локус дальних пространств, ср.: где Макар телят не пас, у черта на куличках и т. д. Однако точных пространственных координат данные выражения не содержат.

Для селькупов, издревле занимающихся охотой и рыболовством, не характерен концентрический тип структурирования земного пространства. Если у

русских данный тип можно охарактеризовать как моноцентрический, то у селькупов – это полицентрический тип. Места, обладающие выраженной ресурсной ценностью, выступают в качестве фокусных точек, позволяющих ориентироваться в окружающем пространстве. Наиболее репрезентативно в диалектах селькупского языка представлены наименования лесных массивов и рек. Данный факт свидетельствует о том, что у селькупов имеется коммуникативная необходимость в номинации данных денотативных фрагментов. Именно поэтому лес и река выступают для селькупов в качестве фокусных точек, ориентиров в окружающем пространстве.

В ходе проведенного исследования были установлены существенные различия в способах структурирования земного пространства селькупскими и русскими. Для русских характерен концентрический тип структурирования земного пространства, для селькупов – фокусный.

Список сокращений

Нап. – Напас, таз. – тазовский диалект селькупского языка.

Список литературы

1. Полякова Н. В. Объективация реки в языковой картине мира селькупского этноса // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 2 (4). С. 29–33.
2. Головнев А. В. Модель в культурологии // Модель в культурологии Сибири и Севера: сб. научных трудов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 142–169.
3. Биче-оол В. К. Культура нганасан: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2009. 25 с.
4. Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 47 с.
5. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
6. Полякова Н. В. Объективация представлений о «Нижнем мире» в селькупском языке в сопоставлении с русским // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 4 (157). С. 56–61.
7. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.
8. Шаргородский Л. Т. Погребальный обряд тазовских селькупов // Модель в культурологии Сибири и Севера: сб. научных трудов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 110–118.
9. Быконя В. В. Наречие // Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск, 1995. Ч. II. С. 154–179.
10. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1998. 80 с.

Полякова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 21.12.2016.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-47-50

OBJECTIVATION OF WAYS OF WORLDLY SPACE STRUCTURING IN THE SELKUP AND RUSSIAN LANGUAGES

N. V. Polyakova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Each ethnos has its own ideas of the world and the system of worldly space structuring that allows orienting in space. The idea of the three-part structure of the world including *the Upper, Middle and Lower Worlds* is common for many nations as well as the idea of existence of vertical and horizontal projections of the universe. In mythology *the*

Upper World is connected with the highest gods. It is located over people. *The Middle World* is the place inhabited by people and animals. *The Lower World* is associated with the world of evil spirits and the dead. It is located under the ground or water. Ethnographic and linguistic material demonstrates coexistence of vertical and horizontal world projections in the Selkup worldview and presence of only the vertical world projection in the Russian one. *The Middle World* being according to the ancient beliefs the world for people and animals is the most significantly objectivized essential differences in the Selkup and Russian ways of worldly space structuring. The circular type of space structuring is typical for the Russian ethnos as the representative of the farming culture. There is the house and householding buildings on the fenced territory in the center of the Russian worldly space, the next concentric circle includes the settlement, the second concentric circle consists of the fields and pastures having an important economic value, the third concentric circle includes forest grounds, the fourth is represented by the distant spaces. People feel the most familiar with the next and the second concentric circles and less familiar with the third and fourth concentric circles. The representatives of the Selkup ethnos orient in surrounding space relying on focal points by specification of their arrangement relative to each other. The focal points are a river, a forest and a house.

Key words: *space, Selkup, Russian, mental map, focal point, comparison.*

References

1. Polyakova N. V. Obyektivatsiya reki v yazykovoy kartine mira sel'kupskogo etnosa [Objectivization of river in the linguistic world-view of the Selkup ethnos]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, vol. 2 (4), pp. 29–33 (in Russian).
2. Golovnev A. V. Model' v kul'turologii [A model in cultural studies]. *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa*. Sb. nauchnykh trudov [A model in cultural studies of Siberia and the North. Proceedings]. Ekaterinburg, Ural branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. Pp. 142–169 (in Russian).
3. Biche-ool V. K. *Kul'tura nganasan: istoriko-kul'turologicheskii analiz. Avtoref. dis. kand. kul'turologii* [Nganasan culture: historical and culturological analysis. Abstract diss. cand. cult. sci.]. Chelyabinsk, 2009. 25 p. (in Russian).
4. Pushkareva E. T. *Kartina mira v fol'klore i traditsionnykh predstavleniyakh nentsev: sistemno-fenomenologicheskii analiz. Avtoref. dis. dokt. ist. nauk* [Worldview in the folklore and traditional understanding of Nenets: system and phenomenological analysis. Abstract diss. doc. hist. sci.]. Moscow, 2003. 47 p. (in Russian).
5. Polyakova N. V. "Osobyie mesta" v kartine mira sel'kupskogo etnosa ["Sacred places" in the worldview of the Selkups]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, vol. 10 (125), pp. 85–88 (in Russian).
6. Polyakova N. V. Obyektivatsiya predstavleniy o «Nizhnem mire» v sel'kupskom yazyke v sopostavlenii s russkim [Objectification of understanding of "Lower world" in the Selkup language in comparison with the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, vol. 4 (157), pp. 56–61 (in Russian).
7. Kuznetsova A. I., Helimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. Moscow, MSU Publ., 1980. Vol. 1. 408 p. (in Russian).
8. Shargorodskiy L. T. Pogrebal'nyy obryad tazovskikh sel'kupov [A funeral ceremony of the Taz Selkups]. *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa*. Sb. nauchnykh trudov [A model in cultural studies of Siberia and the North. Proceedings]. Ekaterinburg, Ural branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992. Pp. 110–118 (in Russian).
9. Bykonya V. V. Narechiye [Adverb]. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnye dialekty* [Morphology of the Selkup language. Southern dialects]. Tomsk, 1995. Part II. Pp. 154–179 (in Russian).
10. Pelih G. I. *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk, Izd-vo nauchno-tehnicheskoy literatury Publ., 1998. 80 p. (in Russian).

Polyakova N. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061). E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com